

Глава 1

Детство, отрочество, юность

1931–1949

Михаил Горбачев родился 2 марта 1931 года в селе Привольном, примерно в 140 километрах к северу от российского города Ставрополя, на Северном Кавказе. Родители назвали его Виктором, возможно, решив таким способом отметить предсказанную Сталиным будущую “победу” первого пятилетнего плана. Однако при крещении дед со стороны отца дал ему другое имя, уже библейское — Михаил. Багровое родимое пятно на голове (являвшееся, согласно русским народным суевериям, печатью дьявола), похоже, не слишком встревожило ни родителей, ни деда с бабкой.

Несмотря на название — Привольное, в пору горбачевского детства никакого приволья в его родном селе не было и в помине¹. Как и в остальном СССР, в Привольном в 1931 году шла коллективизация — насильственный процесс обобществления частных хозяйств, в котором сгинули миллионы крестьян. В пору чудовищного голода 1932–1933 годов погибли два дяди и тетя Горбачева. Большой сталинский террор 1930-х коснулся обоих дедов: отца матери арестовали в 1934 году, а другого деда — в 1937-м. Потом, 22 июня 1941 года, в СССР вторглись фашисты, и в 1942-м село Горбачева на четыре с половиной месяца оказалось оккупировано. 1944 и 1946 годы выдались голодными. А после войны, когда советский народ надеялся наконец зажить лучше, Сталин снова принял крутые меры, и людям опять пришлось идти на жертвы ради того светлого будущего, которое коммунисты все время обещали, а оно никак не наступало.

Трудно представить более страшное время. Детство, пришедшее на такие годы, несомненно, повлияло на дальнейшие взгляды Горбачева: на сталинизм — и на необходимость осудить его, на силу и насилие — и на требование отказаться от их применения. Но у этой истории есть и другая сторона. В разгар ужасов тогдашнего режима советские школьники должны

были в обязательном порядке произносить ритуальную фразу: “Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!” И, удивительное дело, у Горбачева детство действительно было счастливым. Видимо, здесь сказались его от природы жизнерадостный характер и оптимистичный взгляд на жизнь. А еще все объяснялось теми солнечными лучиками надежды, которые всегда пробивались сквозь мрачные тучи, сгущавшиеся у него над головой. Насколько он действительно ощущал ужасы коллективизации, если один его дед (тот, что души в нем не чаял) возглавлял колхоз? Оба деда выжили в лагерях, и их довольно скоро освободили. Когда фашисты уже собирались схватить Горбачевых как родственников коммуниста, председателя колхоза, немцев как раз начали теснить, и они покинули Привольное. Горячо любимый отец Горбачева ушел воевать, и на него пришла похоронка, но дурная весть оказалась ложной: он выжил, проведя на фронте четыре года, и вернулся домой победителем. После войны Горбачев, с отличием окончив школу и сделавшись комсомольским активистом, вдобавок получил орден Трудового Красного Знамени за то, что помог отцу-комбайнеру собрать рекордный урожай.

Психологи уверяют, что когда личные неудачи и жизненные трагедии обретают счастливый финал — случайно или благодаря стараниям потенциальных жертв обстоятельств, — пережившие их люди обычно делаются более уверенными в себе, оптимистичными и менее подверженными депрессии². А с Михаилом Горбачевым не просто не случилось худшего — многое в его жизни можно назвать почти идеальным. Его отец, Сергей Горбачев, был, по-видимому, прекрасным человеком: Михаил его обожал, а односельчане уважали. В детские годы, вспоминал Горбачев, он не только питал к отцу “сыновние чувства”, но и был “крепко к нему привязан”. Правда, о взаимной симпатии они за всю жизнь не обмолвились и словом — “это просто было”³. По воспоминаниям Михаила Горбачева, дед со стороны матери, Пантелей Гопкало, тоже любил его “беззаветно” — а русские мужчины нечасто открыто признаются в нежных чувствах. Но случались среди родни и ссоры. Дед со стороны отца, Андрей Горбачев, “характером был крут”. Андрей и его сын Сергей, отец Горбачева, с годами отдалились друг от друга, а однажды дело дошло даже до драки. Но и дед Андрей очень любил внука, любили его и обе бабушки. Мать Горбачева, Мария, бывала строгой и могла сурово наказать: она не по своей воле вышла замуж, и сына лет до тринадцати “воспитывала” ремнем. Материнская суровость сказалась на характере Горбачева: в пору взросления и даже много позже, будучи вполне взрослым человеком, он, похоже, испытывал особую потребность в знаках внимания и уважения, которых, по его мнению, заслуживал⁴.

Его родители жили бедно, но работали не покладая рук и приучали сына к тому же. Чтобы выжить в годы войны, Горбачеву пришлось уже годам к три-

надцати забыть о детстве. После войны он стал первым учеником в школе и образцовым гражданином. В придачу он получил почетный орден за сбор урожая. К 1950 году, когда Горбачев уезжал из Привольного на учебу в МГУ, он был крепким юношей, независимо мыслящим и самоуверенным до наглости. Сам Горбачев подытоживал свое тогдашнее мироощущение так: “Я ведь помню... наш быт! ... [Мы] жили нищенски. Но я не ощущал себя нищим и вообще чувствовал себя прекрасно”⁵.

История Ставрополя — края, где рос Горбачев, — прослеживается с первого тысячелетия до нашей эры, когда сюда пришли различные племена и расселились вблизи Северного Кавказа. Сам Ставрополь возник в 1777 году как военное поселение, а статус города получил в 1785 году. В центре находилась одна из крепостей, которые для защиты южных рубежей Российской империи по повелению императрицы Екатерины II выстроил по Азово-Моздокской укрепленной линии ее фаворит, князь Григорий Потемкин. Область заселили казаки, потом к ним присоединились беглые крепостные, не пожелавшие жить под барским игмом, а позднее там появились уже другие крестьяне — насильно сосланные. Во второй половине XIX века предки Горбачева по линии отца переселились в эти места из Воронежской губернии, а предки по линии матери — с Черниговщины. Здесь, на южной окраине Российской империи, как отмечает Горбачев, “и характер-то формировался бунтарский”: неподалеку собирали войско и начинали походы предводители двух крестьянских восстаний — Степан Разин и Емельян Пугачев, из здешних краев происходил и Ермак — казачий атаман и покоритель Сибири в XVI веке. “Это, видимо, было у живущих здесь в крови и передавалось по наследству из поколения в поколение”, — с гордостью заключает Горбачев⁶. В этом же плодородном краю родился в 1918 году Александр Солженицын, будущий антисоветский диссидент-консерватор.

Само село Привольное, расположенное в дальнем северо-западном углу Ставрополя, вблизи административных границ Ростовской области и Краснодарского края, было основано в 1861 году. Сегодня, чтобы попасть туда, нужно ехать по шоссе от Ставрополя на северо-запад, мимо полей пшеницы и подсолнуха. При въезде в село у дороги красуется большой яркий щит с приветствием: “Добро пожаловать в Привольное!” От сельской площади дорога — вначале асфальтированная, потом грунтовая — уходит километра на полтора к обширной возвышенности, полого спускающейся к реке Егорлык. В 1930-е годы местное население почти в равном соотношении составляли русские и украинцы. Ближе к центру села, по одну сторону реки, жили русские, а выходцы с Украины обосновались на другом берегу. Круто спускающийся к реке участок земли, на котором раньше жили Горбачевы, сейчас

необитаем. Пустует и заросшая кустарником и высокой травой местность, простирающаяся дальше и уходящая в степь. Лишь пара хозяйственных построек виднеется на горизонте. Не видно отсюда и остального Привольного с его деревянными домами и большой церковью (которую построили благодаря финансовой помощи бывшего президента СССР Михаила Горбачева).

Именно здесь, на окраине села, прадед Горбачева Моисей Горбачев выстроил хату для себя, своей жены и троих сыновей — Алексея, Григория и Андрея. Много лет спустя, когда Михаил уже подросток, семья Горбачевых покинула эту часто затопляемую равнину и переехала повыше, поближе к самому селу. Ребенком Горбачев видел, как за дедовой хатой, стоявшей примерно в 180 метрах от реки, простиралась только “степь да степь кругом”⁷ (чем-то похожая на американские прерии). При Моисее Горбачеве вся большая семья, восемнадцать человек, теснилась в одном большом доме в несколько комнат, а другие родственники жили неподалеку. Позднее все трое сыновей выстроили себе собственные хаты, и только поженившиеся тогда дед и бабка Горбачева, Андрей и Степанида, зажили отдельно от родни. В их доме в 1909 году родился отец Горбачева, Сергей.

По всеобщему признанию, дед Андрей, воевавший в Первую мировую войну на западном фронте, был человеком несговорчивым и упрямым. “Не жалел себя и других, — вспоминает его внук, — у него все всегда было в порядке”⁸. Он “характером был крут и в работе беспощаден”⁹. “Прижмист”, — сообщают одни. “Угрюмый, вспылчивый, хотя волевой и сильный человек”, — добавляют другие¹⁰. Однако этот старик, на многих наводивший страх, при виде внука таял. “Но когда я с ним ходил, он приглашал, чтобы ходили, рассказывал и угощал, конечно, и набирал, чтобы ели...”¹¹. Бабушка Степанида была “доброй и заботливой”. “Мы... были в дружбе. Мне повезло”, — вспоминает ее внук¹².

У Андрея и Степаниды родилось шестеро детей, но из них — лишь два мальчика, а землю сельская община выдавала только на мужчин, поэтому земли семья получила совсем мало. В итоге, рассказывает Горбачев, вся семья от мала до велика трудилась “денно и ночью”. Мало-помалу семье удалось подняться из нищеты, и постепенно они выбились в “средняки”. Но, чтобы обеспечить дочерей приданым, пришлось продавать зерно и выкормленную скотину. Выручал семью огромный садовый участок, где дед Андрей умудрялся выращивать почти все необходимое. “Сад спускался к реке, потрясающий, с прививками, — вспоминал его внук. — [Дед был] мичуринец, до Мичурина начал прививки; на одном дереве можно было увидеть яблоки разные, и красные, и зеленые. Прекрасный сад, потрясающий. И вот туда опасно было бегать, дед был жестокий, очень жестокий”¹³.

А еще дед Андрей не принимал идеи коммунизма. На вопрос о том, вступил ли Андрей в компартию, дядя Горбачева со стороны матери только сме-

ялся и отвечал: “Нет, ни за что”¹⁴. Андрей ни за что не хотел вступать и в колхоз, и на некоторое время его оставили в покое. Он оставался крестьянином-единоличником, то есть ему полагалось выращивать предписанное количество зерна и часть урожая продавать государству, но не позволялось иметь собственность. Когда случился голод и семье пришлось питаться чем попало, даже не очень съедобным, Андрей кормил родных лягушками. Голод — самое раннее воспоминание Горбачева: лягушки плавают в большом котле и, сварившись, переворачиваются белыми брюшками кверху. Правда, он не может вспомнить, ел он их тогда или нет, зато очень хорошо помнит другой случай: “надо сеять, а все семена съели”¹⁵ — съели он и его младший дядя (он был старше Михаила всего на пять лет).

В 1934 году Андрея арестовали, по словам внука, за “невыполнение плана [посева], когда его нечем было выполнять”. Отправили на принудительные работы в лагерь под Иркутском, в Сибирь, где заключенные валили лес, и там Андрей за ударный труд получил четыре почетные грамоты. В итоге его освободили досрочно, и он вернулся в Привольное (где повесил лагерные грамоты на стену рядом с иконостасом) угрюмее прежнего. Теперь у него не осталось другого выхода, кроме как вступить в колхоз. В течение следующих семнадцати лет он заведовал колхозной свинофермой — и превратил ее в лучшую свиноферму области. “Вот я вам говорю, что куда ни поставят, сам работает и всех заставит работать”, — вспоминал Горбачев¹⁶. Такой урок не прошел даром для его внука.

Другой дед Горбачева, Пантелей Гопкало, был политическим и психологическим антиподом Андрея Горбачева. Дед Пантелей приветствовал большевистскую революцию. “Советская власть спасла нас, дала землю”, — говорил Гопкало, который родился в бедняцкой семье и воевал в Первую мировую на турецком фронте. Эти слова, часто повторявшиеся в семье Гопкало, глубоко запали в душу внука. Как и то обстоятельство, что дед Пантелей, поднявшись из “бедноты” и выбившись в “средняки”, в 1920-е годы помогал строить новую крестьянскую общину, где трудились и он сам, и его жена Василиса (ее предки тоже были родом с Украины), и их дочь Мария — будущая мать Михаила Горбачева. В 1928 году Пантелей Гопкало вступил в партию. А вскоре, в 1929 году, он помогал организовывать первый колхоз в Привольном. Когда юный Михаил расспрашивал бабушку, как это было, “она с юмором отвечала: ‘Всю ночь дед твой их организует, организует — а утром все разбежались’”¹⁷. А в другой раз она рассказывала внуку о коллективизации уже в более мрачных тонах, и ее слова Горбачев приводил на одном из заседаний Политбюро в октябре 1987 года: “Какая вражда пошла, брат на брата, сын на отца, через семьи она пошла. Давали сверху разнарядку — столько-то кулаков выселить. Вот и подгоняли под цифру, и неважно, кулак ты или нет”¹⁸.

Так называемые кулаки считались зажиточными крестьянами, но в действительности большинство из них были мелкими собственниками, которые своим тяжким трудом и предприимчивостью сумели лишь чуть-чуть подняться над середняками. Сын Гопкало, тоже Сергей, помогал “душить кровопийц”. “Я в комсомольской ячейке состоял, — рассказывал дядя Горбачева по линии матери. — Ну и гонял со всеми по дворам, на которые указывали. Потрошили их. Мне жалко было. Начальник из комсода, так это, по-моему, называлось, всегда пьяный, говорит мне в одной хате: ‘Полезай на чердак, все тащи сюда!’ Я просто так заглянул туда и кричу: ‘Ничего нету!’ А он мне: ‘А ну слезай, сам догляжу’. Полез на чердак. Хотя и были залиты у него глаза, а разглядел несколько овчинных шуб. Ох и досталось мне тогда!”¹⁹

Раскулачивание, как и почти все процессы в СССР, должно было происходить по определенному плану, и устанавливались ежемесячные нормы. Целые семьи лишали имущества и гуртом отправляли в ссылку: одних высаживали посреди голой степи на северо-востоке Ставрополья, других набивали в вагоны-“скотовозки” (где многие погибали еще в пути) и увозили еще дальше на восток. Какую именно роль во всем этом играл Пантелей Гопкало — неизвестно, но начальство явно осталось им довольно и со временем назначило его председателем колхоза под названием “Красный Октябрь”.

Но какие бы действия ни совершал Пантелей Гопкало в процессе насильственной коллективизации, председателем учрежденного колхоза он, судя по всему, стал очень порядочным. Один ставропольский журналист, который много лет спустя расспрашивал о нем местных колхозников, почти ото всех услышал одни только положительные отзывы²⁰. К 1937 году Пантелей заведовал районным земельным отделом. “Но по-прежнему жил как все мы, — добавляет Горбачев. — Очень человек интересный, пользовался большим авторитетом. Говорил тихо и медленно”²¹. Деда Горбачева послужили для него двумя разными образцами авторитета: Андрей был грубым, независимым и властным человеком, а Пантелей (во всяком случае, каким его вспоминал внук) — более мягким, вдумчивым и одобрял коллективизацию сельского хозяйства.

Несколько лет, начиная с трехлетнего возраста, Горбачев жил не у родителей, а в основном у деда с бабушкой, родителей матери, в колхозе километрах в двадцати от Привольного. Горбачев вспоминал, как частенько бегал за дедовой телегой — длинной и глубокой. “Там для меня вольница была полная, любили они меня беззаветно. Чувствовал я себя у них главным. И сколько ни пытались оставить меня хоть на время у родителей, это не удалось ни разу. Доволен был не только я один, не меньше отец и мать...”²² “Отец и мать еще молодые, им это на руку, что я у деда, они свободны”²³.

В голодную пору родителям Горбачева, которым не было и двадцати лет, когда он родился, казалось вполне разумным оставлять мальчика у любящих и относительно обеспеченных дедушки с бабушкой, тоже довольно молодых. (Василиса стала бабушкой в тридцать восемь лет.) Но был ли сам Миша доволен таким положением, и если да, то почему? Однажды, когда дед отвез его к родителям, мальчик “бежал и километр, и полтора за тачанкой деда”, пока тот не взял его с собой²⁴. По его словам, в жизни деда с бабкой он чувствовал себя главным, да и Василиса часто повторяла, что он ее любимый внук. А как относились к нему родители?

У отца Горбачева было только четыре класса образования, хотя позднее он воспользовался введенной большевиками программой ликвидации безграмотности и выучился на тракториста-комбайнера. По словам сына, “в отце, простом человеке из деревни, было заложено самой природой столько интеллигентности, пытливости, ума, человечности, много других добрых качеств. И это заметно выделяло его среди односельчан, люди к нему относились с уважением и доверием: ‘надежный человек’”²⁵.

Свидетельство самого Горбачева подтверждают и другие люди. Сергея Горбачева вспоминали как “умного человека, скромного трудягу... Люди любили его. Это был спокойный и добрый человек. К нему приходили советоваться. Он говорил мало, но взвешивал каждое свое слово. Он не любил речей”²⁶. По словам бывшего комсомольского товарища Михаила, старший Горбачев никогда “не повышал голоса, был уравновешенным, дисциплинированным и порядочным”²⁷. А вот что вспоминала Раиса Горбачева: “Внутренне Михаил Сергеевич и отец были близки. Дружили. Сергей Андреевич не получил систематического образования — ликбез, училище механизации. Но у него была какая-то врожденная интеллигентность, благородство. Определенная широта интересов, что ли”²⁸.

Неудивительно, что Сергей, обладая такими качествами, не очень-то уживался с дедом Андреем, человеком совсем другого склада. Тем более что Сергей предпочел пойти по стопам тестя, а не родного отца, вступив в колхоз. Когда Сергей и Мария еще жили в доме Андрея Горбачева, кукуруза хранилась во дворе, и там ее делили поровну между членами семьи. Однажды, пока Сергей работал в поле, его отец взял часть общей кукурузы и спрятал на чердаке. В поисках пропавшей кукурузы Сергей забрался наверх по приставной лестнице, где отец и застал его. Сергею было тогда 23 года, и у него хватило сил справиться с отцом, заломив тому руки за спину. Сергей постарался сохранить этот эпизод в тайне от посторонних. Кукурузу они поделили “по справедливости”, но “это только еще больше подтолкнуло отца на сторону своего тестя”, вспоминал Горбачев²⁹. На вопрос о том, какими были отношения двух

дедов, не возникало ли между ними трений, Горбачев сначала ответил: “Нормальные”, а потом добавил: “Но он, конечно, ревнивый, дед [Андрей] к деду [Пантелею] относился ревниво”³⁰.

Дочь Пантелея, Мария Гопкало, родилась в 1911 году. А в 1928-м, в семнадцать лет, она вышла замуж за девятнадцатилетнего Сергея Горбачева. “Она была очень красивая, — вспоминал Горбачев, — очень боевая, с характером”³¹. Другие подтверждают, что Мария, в школе не учившаяся и всю жизнь оставшаяся неграмотной, была “женщиной прямой, с острым языком, сильным, твердым характером”³². Односельчане считали ее неотесанной по сравнению с мужем. Горбачев не опровергает такого суждения: “Они очень чем-то были похожи по интеллигентности, по, так сказать, манере обращения с другими, и отец, и дед [Пантелей]. Мать совсем другая”³³.

В одном из интервью Горбачев рассказывал, что его мать совсем не хотела идти замуж за его отца. В семнадцать лет у нее наверняка имелись и другие ухажеры, ведь она была красавицей. Но Сергей не отступился: “... очень ее любил. Уже потом, в годы, когда он приезжал в гости к нам в Ставрополь, он обязательно, перед тем как уехать, шел в магазин, чтобы купить подарок Марии. Всегда он возвращался, куда бы ни поехал, с подарком для Марии”³⁴. На вопрос о том, полюбила ли она со временем мужа, Горбачев, немного подумав, ответил: “Я думаю, что уже потом, когда семья, когда дети”. Но, в отличие от большинства русских крестьянок, которые в ту пору рожали много детей, Мария родила своего второго (и последнего) ребенка, Александра Горбачева, лишь в 1947 году, когда Михаилу было шестнадцать. “А после войны, — добавил Горбачев, — все полюбили своих мужей, оставшихся в живых особенно”³⁵.

Следуя крестьянскому обычаю, после свадьбы Мария и Сергей Горбачевы поселились в доме свекра. Это была длинная хата с саманными стенами, вытянутая с востока на запад, с соломенной кровлей. Описывая этот дом в интервью 2007 года, Горбачев набросал на листке из блокнота план: “Вот первая часть — это была горница... представительская”, там было чисто и нарядно, глиняный пол был частично прикрыт домоткаными половиками. “Для гостей горница?” — “Нет-нет, какие гости? Вот здесь была, я помню это, кровать деда и бабушки, здесь в этом углу был иконостас, колоссальный иконостас из десяти-двенадцати икон таких позолоченных. Здесь висела лампада, вот”³⁶. (В доме деда Пантелея, председателя колхоза, место иконостаса занимали портреты Ленина и Сталина.) Дальше, за дверью, была еще одна комната — с огромной печью, в которой женщины пекли хлеб, и печкой поменьше, для приготовления другой пищи. Дети спали на лежанке, устроенной на большой печке. В углу, у стены, стояли обеденный стол и скамья. Другой угол был отгорожен занавеской для родителей Горбачева, чтобы у молодоженов было хоть немного личного пространства. Бани не было, добавил Горбачев. “В кадушке грели воду и мылись”³⁷.

В следующей комнате, по другую сторону от маленькой прихожей, хранили зерно и всякий крестьянский инвентарь вроде упряжи и кнутов. А выше был чердак, и Горбачеву, когда он немного подрос, нравилось “находить там укромные места, где нередко засыпал”. Там он нашел однажды целый мешок “с какими-то цветными бумагами” — это были пачки керенок. “Они там долго еще хранились. Наверное, дед рассчитывал, что, может, еще пригодятся”³⁸. А однажды случилось и такое, что Михаил “спал рядом с теленком, только что родившимся, и тут же гусыня сидела на яйцах”³⁹.

Еще одна дверь вела в помещение, где держали скотину. Обогревался весь дом только печью да теплым дыханием всех животных и людей, живших там. “Я хату хорошо знаю, — вспоминал Горбачев. — Облазил ее, пацаном был. Облазил всю”⁴⁰.

Из-за такой скученности и непростых отношений между поколениями родители Горбачева решили отделиться и зажечь своим хозяйством. Пантелей выстроил для дочери и зятя хату неподалеку от дома деда Андрея и устроил Сергея Горбачева на курсы трактористов и комбайнеров.

Между тем разразился голод, и люди стали умирать. По словам Михаила Горбачева, тогда “вымерла по меньшей мере треть, если не половина села. Умирали целыми семьями, и долго еще, до самой войны, сиротливо стояли в селе полуразрушенные, оставшиеся без хозяев хаты”⁴¹. А потом, в 1934-м, арестовали деда Андрея. Бабушка Степанида осталась одна с двумя младшими детьми, и отец Горбачева “взял на себя все заботы”. После ареста Андрея его семья “оказалась никому не нужной”, к тому же они жили на окраине села, и это усиливало ощущение изоляции. Но вскоре дед Андрей вернулся, а дед Пантелей помог зятю устроиться на работу на местную МТС — машинно-тракторную станцию. В отличие от колхозов, МТС принадлежали государству и считались “более высокой” формой собственности, а ее работников относили уже не к крестьянству, а к пролетариату. Теперь Сергей, поднявшись на новую общественную ступень, начал зарабатывать больше своих родственников-крестьян, а в скором времени уже побивал рекорды по сбору урожая, и о нем даже писали хвалебные очерки в районной газете⁴².

В 1937 году дед Пантелей заведовал районным земельным отделом, отвечавшим за заготовку зерна и сбор урожая. В том же году его арестовали — шла “большая чистка”. Из Москвы присылали “разнарядку” — сколько человек нужно взять. Позже, когда начальника райотдела НКВД отчитывали за превышение “квоты”, он отвечал: “Другие столько народу арестовали! Что, я хуже других, что ли?”⁴³ Пантелей оказался привлекательной мишенью для завистников и для тех, кто успел пострадать от его притеснений. Один из ужасных парадоксов сталинских чисток заключался в том, что их массово поддержи-

вали крестьяне, ненавидевшие местных чиновников — тех самых, которые проводили коллективизацию⁴⁴. Как это обычно и делалось в сталинские времена, за Пантелеем пришли среди ночи. Его жена Василиса переехала в Привольное к отцу и матери Горбачева. “Помню, — писал он, — как после ареста деда дом наш — как чумной — стали обходить стороной соседи, и только ночью, тайком, забегал кто-нибудь из близких. Даже соседские мальчишки избегали общения со мной... Меня все это потрясло и сохранилось в памяти на всю жизнь”⁴⁵.

Пантелей находился под следствием четырнадцать месяцев. Ему грозил верный расстрел, но, по счастью, помощник прокурора края переквалифицировал обвинение с уголовной статьи (то есть причастности к “контрреволюционной правотроцкистской организации”) на менее серьезную статью о “должностных преступлениях”. А в декабре 1938 года деда освободили, и он вернулся в Привольное. Тем зимним вечером, вспоминал Горбачев, в доме его родителей “сели за струганный крестьянский стол самые близкие родственники”, и дед со слезами “рассказал все, что с ним делали”. “Добиваясь признания, следователь слепил его яркой лампой, жестоко избивал, ломал руки, зажимая их дверью. Когда эти ‘стандартные’ пытки не дали результатов, придумали новую: напяливали на деда сырой тулуп и сажали на горячую плиту. Пантелей Ефимович выдержал и это, и многое другое”⁴⁶.

Пантелей вернулся из тюрьмы совершенно “другим” человеком⁴⁷. Он больше никогда не говорил о пережитых мучениях, и в семье никто этой темы не касался. Но удивительно, что он вообще о таком рассказал (это было редкостью), и этот рассказ глубоко ранил внука. Многие люди, пострадавшие от репрессий, никогда даже словом не упоминали о пережитом, а потому их родные сохраняли более благостные представления о режиме, и лишь потом, в 1956 году, когда Никита Хрущев в своем “секретном докладе” раскрыл правду о преступлениях Сталина, им пришлось резко менять взгляды⁴⁸. В этом смысле у Горбачева всегда имелась более уравновешенная позиция, хотя, похоже, даже его дед, несмотря на собственный страшный опыт, не утратил былой веры: “Сталин не знает, что творят органы НКВД”, — говорил он. Но если все в семье Горбачевых предпочитали молчать об услышанном, это вовсе не значит, что они пытались забыть — они просто боялись вспоминать. И сам Горбачев тоже помалкивал. Даже когда он сначала сделался высоким партийным начальником в Ставрополе, потом членом ЦК КПСС, затем генсеком партии, а после и вовсе президентом СССР и выступил с горячим осуждением Сталина и сталинизма, Горбачев не делал попыток затребовать следственное дело деда Пантелея. Он решился на это только после августовского путча 1991 года, практически лишившего его власти. В 1960-е и 1970-е годы, при Брежневле, когда вслед за разоблачениями Хрущева началась ползучая реабилитация Сталина, Горбачев понимал, что это просто рискованно.